

Г. Г. Громов

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕХНИКА И ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Изучение агроэтнографии затрагивает очень широкий круг проблем. С одной стороны, познание истории развития земледелия невозможно без учета данных специальных разделов агротехники, истории техники, климатологии, ботаники и других наук. С другой — значение земледелия в истории человеческого общества так велико, что оно во многом определяет особенности развития культуры людей. Столь важное значение земледелия для культуры и большое число факторов, влияющих на саму историю земледелия, не позволяют в пределах журнальной статьи изложить сколько-нибудь полно хотя бы основные ее моменты, тем более что история земледелия все еще недостаточно изучена и нет единого понимания даже коренных проблем процесса развития.

В своей первой статье, вызвавшей дискуссию¹, мы ставили перед собой весьма ограниченную задачу — определить главные факторы, влияющие на развитие пахотных орудий. Поводом для такого выступления послужили разногласия между советскими и зарубежными специалистами в понимании определяющих сил развития земледелия, в частности развития пахотных орудий, выявившиеся во время работы специального симпозиума на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. В своей исходной позиции мы опирались на достижения русской и советской науки о земледелии, в том числе и на работы этнографов (Д. К. Зеленина, Д. В. Найдиш-Москаленко и многих других). Поэтому удивляют попытки некоторых оппонентов приписать нам желание противопоставить нашу позицию всему тому прогрессивному, что было сделано предшественниками². Именно Д. К. Зеленину принадлежит честь введения в классификацию нового принципа — рабочих свойств пахотных орудий, чего не было в классификациях зарубежных ученых того времени³. Наша критика некоторых положений в работах этнографов была направлена лишь против непо-

¹ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Некоторые вопросы агроэтнографических исследований, «Сов. этнография» (далее — СЭ), 1967, № 1, стр. 80—93.

² См. Л. М. Сабурова, По поводу статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований», СЭ, 1967, № 6, стр. 76—80.

³ Д. К. Зеленин, Русская соха, ее история и виды, Вятка, 1907. Классификация Д. К. Зеленина основана на анализе именно рабочих свойств орудий пахоты русских крестьян. Но в объяснении истории развития Д. К. Зеленин нередко отступает от этого принципа, что неудивительно для уровня науки самого начала XX в. П. Н. Третьяков еще в 1932 г. справедливо, с нашей точки зрения, подверг критике эти недостатки исследования Зеленина, хотя, учитывая новые факты, не все приемлемо сегодня и в работе П. Н. Третьякова (см. П. Н. Третьяков, Подсечное земледелие в Восточной Европе, «Известия ГАИМК», вып. XIV, М.—Л., 1932). Критику некоторых положений П. Н. Третьякова см. Г. Г. Громов, Подсечно-огневая система земледелия крестьян Новгородской области в XIX—XX вв., «Вестник МГУ. Историко-филологическая серия», 1958, № 4.

следовательности, отступлений от основной линии при изучении определяющих факторов развития пахотных орудий.

Справедливы упреки В. М. Суринова и чешского ученого Я. Крамаржика в том, что для дискуссии не были должным образом сформулированы спорные вопросы⁴. Но мы не можем принять это на свой счет, так как наша статья и не писалась как дискуссионная. Публикация ее в разделе дискуссий была известной неожиданностью и для нас. Мы считали и считаем, что основные положения статьи и исходные позиции нашего подхода к истории пахотных орудий и факторов их развития для советской агроэтнографической школы не дискуссионны. Отдельные же расхождения в понимании конкретных вопросов истории пахотных орудий обычны при научном исследовании.

Это показала и дискуссия. Ее участники не только не критиковали основных положений нашей статьи, но, по мнению одного из них, Я. В. Чеснова, «Многие положения... нашли поддержку даже (!) среди оппонентов»⁵. Правда, Я. В. Чеснов все-таки находит своеобразный способ критики статьи. Оказывается, нужно критиковать не «отдельные выводы», а некую «определенную концепцию», которую будто бы мы пытались построить⁶. Но так как такой концепции в нашей статье нет, то Я. В. Чеснов строит ее за нас и выступает уже против собственного построения. Следует согласиться с Я. Крамаржилом в том, что дискуссия «переросла границы первоначально обсуждавшейся проблемы»⁷; в основном наша статья оказалась для многих авторов лишь предлогом высказать свои соображения по тем или иным вопросам истории земледелия. Многих из этих вопросов мы вообще не касались в статье, а некоторые затрагивали лишь попутно, в связи с изложением главной темы.

Основные же положения действительно нашли поддержку среди большинства наших оппонентов. Л. М. Сабурова пишет: «Между авторами статьи и остальными советскими этнографами нет разногласий по вопросу о значении почвенно-климатических и иных факторов для конструкции пахотных орудий»⁸. «Как показывает материал по агроэтнографии Юго-Восточной Азии,— утверждают Н. Н. Чебоксаров и Я. В. Чеснов,— особенности земледельческой культуры разных народов складываются в определенных исторических условиях и детерминируются прежде всего социально-экономическим развитием и природной средой»⁹. Значительная часть статьи Л. М. Сабуровой посвящена защите того же тезиса об определяющем значении природных и социально-экономических факторов в развитии пахотных орудий¹⁰. Один из самых резких наших критиков, А. С. Бежкович, отвел этим факторам два раздела своей статьи¹¹. В основном соглашается с нами и Я. Крамаржик, отмечая лишь возможность иного понимания выдвинутых нами положений¹². В. М. Суринов считает, что мы не отразили нашего отношения к системам земледелия, особенностям растений и т. п.¹³, однако в целом и он критикует не то, что мы изложили, а указывает на то, что

⁴ В. М. Суринов, К определению этнических традиций в земледелии, СЭ, 1971, № 3, стр. 51; Я. Крамаржик, Некоторые замечания в связи с дискуссией по аграрной этнографии, СЭ, 1974, № 3, стр. 71.

⁵ Я. В. Чеснов, Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии, СЭ, 1972, № 4, стр. 64.

⁶ Там же.

⁷ Я. Крамаржик, Указ. раб., стр. 72.

⁸ Л. М. Сабурова, Указ. раб., стр. 77.

⁹ Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии, СЭ, 1967, № 3, стр. 67.

¹⁰ Л. М. Сабурова, Указ. раб., стр. 76—79.

¹¹ А. С. Бежкович, Еще раз об агроэтнографических исследованиях, СЭ, 1971, № 5, стр. 88, 89.

¹² Я. Крамаржик, Указ. раб., стр. 72—74, 77, 84.

¹³ В. М. Суринов, Указ. раб., стр. 51.

следовало бы изложить. Но ведь в журнальной статье учесть все аспекты одних только пахотных орудий и их роли в культуре человеческого общества невозможно.

Критике подверглись главным образом не основные тезисы нашей статьи, а те замечания, высказанные, кстати, в очень осторожной форме¹⁴, которые касались роли этнических особенностей в развитии пахотных орудий.

Изучая историю развития пахотных орудий на фактическом материале, трудно понять, почему те или иные их особенности (или конструкция в целом) в трудах некоторых этнографов связываются с определенными этническими общностями. И чем тщательнее ведутся исследования, тем все более призрачными оказываются подобные причинные связи. Влияние естественно-географических и технических факторов гораздо логичнее объясняет эти особенности орудий, чем декларируемая роль этнокультурных традиций. Каждый, кто знаком с этнографическими работами по земледелию за последние сто с лишним лет, знает, сколь часто можно там встретить выражения «русская соха», «литовская соха», «немецкий плуг» и т. д. и т. п. Все это стало привычным, воспринимается без сомнений, хотя мне не известны работы, где бы доказывалось, именно доказывалось на основе анализа фактов, что данная форма или особенность орудия свойственна именно этой этнической общности и никакой другой, где бы объяснялось, почему этнические связи должны неизбежно порождать ту или иную особенность в технике земледелия. Чаще всего дело ограничивается отнесением таких особенностей на счет «этнической традиции», за которой скрываются как за магической формулой.

К сожалению, подобные приемы были использованы и в развернувшейся дискуссии. Л. М. Сабурова, например, пишет: «Конечно, соха возникла вследствие определенных почвенно-климатических и социально-экономических условий, но на территории расселения определенной этнической общности, и впоследствии была заимствована другими этническими группами с переходом их к земледелию. Об этом свидетельствует и терминология — названия орудия и его отдельных частей, — например, у народов Поволжья»¹⁵. Еще четче подобную точку зрения выражает А. С. Бежкович. «На протяжении многих веков соха считалась русским (великорусским) национальным пахотным орудием. Это обстоятельство доказано Д. К. Зелениным... На огромной территории России соха приобрела областные особенности и наименования „московская с перекладной полицей“, „новгородская коловая“ и др., получили областные названия и усовершенствованные сохи — косули (костромская, ярославская, вятская, владимирская и др.), но в целом это была все та же русская соха»¹⁶. Далее Бежкович повторяет ошибочное утверждение Л. М. Сабуровой о том, что соха заимствована народами Поволжья у русских.

В приведенных выдержках что ни фраза, то противоречие с хорошо известными фактами, которые накоплены советской наукой в результате изучения истории земледелия. Так, благодаря прекрасному исследованию В. П. Левашовой¹⁷ мы теперь знаем, что орудия сошного типа появились в лесной зоне Восточной Европы на рубеже I и II тысячелетий н. э., причем не только в области расселения восточных славян,

¹⁴ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 80—82, 92.

¹⁵ Л. М. Сабурова, Указ. раб., стр. 78.

¹⁶ А. С. Бежкович, Указ. раб., стр. 90, 91. Почему-то основное доказательство русского «национального характера» сохи А. С. Бежкович видит в рисунке 28 из работы Д. К. Зеленина (Д. К. Зеленин, Указ. раб.).

¹⁷ В. П. Левашова, Сельское хозяйство (глава в сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.»), «Труды Государственного Исторического музея», вып. 32, М., 1956; см. также приложенную к работе карту находок разных типов лемехов древнерусских пахотных орудий.

но и в Поволжье¹⁸. Заметим, что одновременно с сошниками появляются и «полицы», специальные лопатки, служившие отвалами у сох, хотя полиц найдено намного меньше, чем сошников. Распространение земледелия в лесной зоне Восточной Европы началось задолго до возникновения самого этнонима «русские» и распространялось оно не только из области Среднего Поднепровья, но и из Среднего Поволжья. Любопытно, что типология железных лемехов в Среднем Поднепровье и Среднем Поволжье в принципе одинакова, а появление в обоих центрах примерно одновременно сошников свидетельствует о приспособлении пахотных орудий к условиям лесных подзолов по одному конструктивному пути. Зная подобные факты, нельзя утверждать, что народы Поволжья заимствовали земледелие у русских или какой-либо славяноязычной этнической группы. Не подтверждает этого и анализ терминологии. Так, приведенная в хорошо известных этнографических сводах из серии «Народы мира» терминология по земледельческим культурам и по орудиям земледелия убедительно свидетельствует об их неславянском происхождении. Совпадают названия сохи лишь у русских и мордвы¹⁹.

Наши оппоненты не учитывают некоторые этнографические данные XIX в. о распространении сохи. Область распространения сохи намного шире ареала расселения русских даже в XIX в. Соха встречается не только в Поволжье, но и в Прибалтике, в северной Польше, Финляндии, не говоря уже о Белоруссии и северных районах Украины, т. е. по всей лесной зоне подзолов²⁰. Приведенные в работе В. П. Левашовой карты прекрасно показывают почти точное совпадение ареала распространения сохи с зоной лесных подзолов уже в древности²¹. Но необходимо уточнить и другое. У русских крестьян соха была далеко не единственным орудием пахоты. Не только южнорусские крестьяне широко использовали степной тяжелый плуг и рала как комплекс орудий обработки земли²², но и в ряде северных областей, там, где этого требовали местные почвенные условия, применялись орудия плужного типа, косули²³. И бытование плужного комплекса у русских на юге, и бытование бесполозовых плугов типа косули во Владимирском Ополье археологически засвидетельствовано с эпохи Древней Руси²⁴.

А. С. Бежкович ошибочно утверждает, что косуля — та же соха. Плужный характер косули отмечал еще Д. К. Зеленин, на которого А. С. Бежкович ссылается²⁵. Правда, в XIX в. стали распространяться асимметричные сохи с отвалом, также получившие название косуль²⁶.

¹⁸ Там же, стр. 23—49. Нам известны только железные части (лемехи) пахотных орудий. Благодаря современным достижениям технических наук можно реконструировать и деревянные части этих орудий. Но пока такая реконструкция, требующая кропотливого труда и постановки технических экспериментов, не сделана. Заменяется она гипотезами, выраженными в схемах. См., например, А. В. Чернецов, К изучению генезиса восточнославянских пахотных орудий, СЭ, 1975, № 5, стр. 77.

¹⁹ «Народы Европейской части СССР» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), т. II, М., 1964, стр. 37, 38, 128—130, 230, 231, 335—337, 366, 410—449, 514, 515, 557, 693.

²⁰ Там же. См. также «Народы Зарубежной Европы» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), т. I, М., 1964, стр. 102. О распространении пахотных орудий среди русских крестьян см. соответствующие карты в труде «Русские. Историко-этнографический атлас», М., 1967.

²¹ В. П. Левашова, Указ. раб.; ср. приведенные в работе карты находок железных лемехов и почвенную карту Восточной Европы.

²² «Русские. Историко-этнографический атлас», стр. 44, 48—54; Г. Г. Громов, География пахотных орудий русских крестьян в XIX в., «Доклады по этнографии. Отделение этнографии Географического о-ва СССР», вып. 5, Л., 1967.

²³ «Русские. Историко-этнографический атлас», стр. 42—44; Г. Г. Громов, География пахотных орудий русских крестьян в XIX в., стр. 39—42.

²⁴ В. П. Левашова, Указ. раб., стр. 35—37.

²⁵ Д. К. Зеленин, Указ. раб., стр. 69—82.

²⁶ В труде «Русские. Историко-этнографический атлас» косуля рассматривается

Но они характерны для северных губерний и конструктивно отличны от косуль, бытовавших во Владимирском Ополье и в соседних с ним районах. Произвольно излагает А. С. Бежкович и историю терминов. Название «русская соха» появляется только в работах этнографов XIX в. В русских документах XVI—XVII вв. упоминается просто «соха». Названия же «московская соха» и «новгородская соха» как термины для определенных разновидностей сохи введены в научный оборот Э. А. Каменецкой в ее дипломной работе²⁷, о чем уже мне приходилось писать²⁸ (кстати, и московская и новгородская соха употреблялись с полицей). Таким образом, само название «русская соха» нужно признать не древней традицией, а литературным изобретением этнографов. То же следует сказать и о «малороссийском», или «украинском», плуге, «татарском» сабане²⁹ и т. п. Эти названия вошли в оборот отнюдь не из народной терминологии. Насколько они правомерны, и следовало бы установить на основе тщательного изучения фактов.

Необходимо обратить внимание и на другую сторону подобной увязки типов пахотных орудий с этническими общностями. Если тяжелый степной плуг или соха известны нам уже тысячу лет как орудия обработки почвы у населения Восточной Европы, то как давно известны истории те этнические общности, с которыми их связывают? Я имею в виду не бытование самого этнонима, а время существования определенной этнической общности. Разве можем мы утверждать, что русские или украинцы, в современном этническом понимании, уже сформировались в X—XIII вв.? Когда Л. М. Сабурова пишет об «определенной этнической общности»³⁰, то не совсем ясно, о ком идет речь. О русских? Но в домонгольской Руси этот термин в узком значении относился к Киевской Руси, а в широком — ко всем древнерусским княжествам³¹. Может быть, о вятичах? Они еще упоминались летописями в то время, когда появились сошники, но последние известны и у соседей вятичей — кривичей (позднее это владимирцы, суздальцы, ростовцы и др.), и у новгородцев, черемисов, мордвы и многих других. Как видим, не согласуется с фактами и вторая часть столь привычной формулы «русская соха». Само понятие русские как этническая общность оказывается много «моложе» того типа пахотного орудия, которое называют сохой.

И наконец, самый главный вопрос, возникающий перед исследователем истории культуры: как объяснить — не формальную, внешнюю, а смысловую, причинную — связь явления культуры и этнической общности? Никто из наших оппонентов не предпринял сколько-нибудь серьезной попытки сделать это на основе анализа фактов. Когда речь идет об орудиях обработки почвы, то области, где и до сегодняшнего дня встречается мотыга, чаще всего оказываются и зонами распространения пропашных культур (кукуруза, корнеплоды и т. п.), в выращи-

как единый тип, без выделения упомянутых историко-генетических подтипов. Указываются лишь областные разновидности.

²⁷ Э. А. Каменецкая, Народные пахотные орудия Русского Севера в XIX в. (научный руководитель дипломной работы М. В. Витов, работа защищена на кафедре этнографии Московского университета в 1958 г.).

²⁸ Г. Г. Громов, География пахотных орудий русских крестьян в XIX в., стр. 36.

²⁹ Название «татарский сабан» дано совершенно произвольно. Тюркским термином «сабан» называют тяжелый степной плуг, часто с колесным передком. Железные лемехи таких плугов и ножи-резаки встречаются в археологических находках еще I тысячелетия до н. э. в Поволжье. Этноним «татары» в этих местах стал известен много позже. Скорее всего этот тип плужного орудия и его широкое распространение в лесостепном Поволжье можно связать с населением, вошедшим в состав Булгарского государства.

³⁰ Л. М. Сабурова, Указ. раб., стр. 78.

³¹ А. Н. Насонов, Русская земля и образование территории Древнерусского государства, М., 1951.

вании которых особенное значение имеет послепосевная культивация (окучивание и др.), т. е. работа, выполняемая вручную мотыгой (до введения современной техники). Орудия же плужного типа обычно господствуют там, где распространены растения, не требующие послепосевной культивации (зерновые). Соотношения орудий обработки почвы и свойств растений в данном случае ясны, видна четкая смысловая, причинная связь того и другого. А какой причинной связью можно объяснить то, что земледелец, относящийся к одной этнической общности, должен пахать свое поле сохой, а его собрат, но входящий в другую этническую общность, — пользоваться ралом или плугом? То, что нам известно из истории земледелия, говорит об ином: крестьяне любой национальности сравнительно быстро, в течение нескольких поколений, приспособляли свою земледельческую технику к изменившимся условиям ведения хозяйства, не считаясь с «этническими традициями». Так было с переселенцами, обосновавшимися в Сибири, так было и на Украине после появления ряда новых культур, и в нечерноземной зоне России. Примеры подобных нововведений мы приводили ранее³².

Только двое из участников дискуссии предприняли попытку как-то объяснить наличие этнических традиций в материальной культуре, в том числе и в орудиях труда. Чувствуя шаткость тезиса, утверждающего, что у каждого народа свои собственные орудия труда, В. М. Суринов пишет: «Мы согласны с мнением тех авторов, которые полагают, что этнические особенности отражают прежде всего специфичность в развитии той или иной общности людей. Но нам думается, что эта специфичность формируется из *суммы признаков* (курсив мой.— Г. Г.), многие из которых будут характерны и для других этнически обособленных общностей. Все дело заключается, на наш взгляд, в характере и форме взаимного соотношения признаков. Именно на их основе происходит интегрирование национального самосознания». И далее: «...у каждой этнической общности складывается меняющаяся в своем развитии... мозаика признаков сельскохозяйственного производства»³³. А затем В. М. Суринов говорит о том, что по одним признакам — интенсивности — датчане близки китайцам, а по другим — взаимодействию с растительной субстанцией (?!) — датская культура будет... ближе подходить «к такой малointенсивной (?) земледельческой культуре, как американская»³⁴. Таким образом, вместо одного нам предлагается сумма признаков, да еще постоянно меняющихся с изменением исторических условий. И все это порождает специфичность в развитии общности людей. В. М. Суринов вообще избегает в этой части своей статьи каких-либо конкретных фактов, примеров (исключая упомянутых датчан, китайцев и американцев и «растительную субстанцию»). Если следовать В. М. Суринову, то у русских крестьян XIX в., составлявших большинство русской этнической общности, должен быть и одинаковый набор, одна «мозаика» признаков. Однако обращение к любому сводному описанию хозяйства русских крестьян этого времени покажет, что такого набора признаков не было: одни возделывали ячмень, овес, рожь, другие — пшеницу, просо, овес; одни пахали сохой, другие — косулей, третьи — плугом и ралами; одни использовали на пахоте лошадей, другие — волов; одни ставили снопы в бабки (суслоны), другие — в «косты» и т. д. и т. п.³⁵ То же можно сказать о сельском хозяйстве любой сколько-нибудь значительной по численности этнической общности. О разделении на локальные варианты писали и Л. М. Сабурова³⁶ и Я. Крамаржик³⁷. Может быть, я неправильно выбрал признаки и

³² Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 82, 83, 86, 87, 88.

³³ В. М. Суринов, Указ. раб., стр. 56, 57.

³⁴ Там же, стр. 57.

³⁵ См. «Русские. Историко-этнографический атлас».

³⁶ Л. М. Сабурова, Указ. раб., стр. 76—78.

³⁷ Я. Крамаржик, Указ. раб., стр. 74 и сл.

В. М. Суринов имеет в виду нечто иное? Но выдвигая столь ответственное положение, стоило бы его более фундаментально обосновать. Трудно пройти мимо и «интегрирования национального самосознания», но эта тема уже другой дискуссии.

Более сложное построение предпринял Я. В. Чеснов, выступивший в дискуссии дважды. Нет возможности проанализировать здесь все его рассуждения, ибо они часто противоречивы. Так, в одном месте он критикует нас за то, что систему земледелия мы приравниваем к технологии, а в другом то же делает сам³⁸. В конечном счете дело не в мелких ошибках и противоречиях. Суть рассуждений Я. В. Чеснова такова. Крестьянские орудия крайне просты (?). Одни и те же операции у разных групп крестьян могут быть выполнены разными орудиями — отсюда их разнообразие, наблюдаемое этнографами³⁹. Та же простота орудий приводит к повышению роли навыков, мастерства работника. А это в свою очередь делает главным в развитии производства опыт, который закреплён в традиции, передающейся из поколения в поколение. Следовательно, именно традиции придают этническую специфику всему сельскохозяйственному производству в докапиталистических формациях. В такую устойчивую систему традиций Я. В. Чеснов включает не только орудия труда, но и технологию земледелия, которую он называет то технологическими отношениями между природой и человеком, то системами земледелия⁴⁰. По его мнению, «система земледелия — это прежде всего исторически сложившаяся система. В этом плане каждой из систем свойственны черты единообразия и устойчивости во времени и пространстве, что проявляется, в частности, в сохранении консервативных, традиционных черт, иногда даже вопреки экологической целесообразности»⁴¹. Понимая, что всех этих чисто умозрительных соображений недостаточно, чтобы объяснить, почему те или иные традиции не имеют узколокального распространения, а характерны для многотысячных и даже многомиллионных масс земледельцев, известных этнографам XIX в., Я. В. Чеснов призывает на помощь семиотику⁴². Оказывается, орудия труда наравне с украшениями, именами и т. п. также играют роль метки, знака при общении между разными этническими группами. Так, одна и та же соха при общении русских с татарами будет этническим признаком русских, а при общении русских с русскими или с литовцами не будет этническим признаком, так как и литовцы тоже употребляют соху⁴³.

Все то, что Я. В. Чеснов пишет о роли индивидуальных навыков при обращении с примитивными орудиями труда, вполне справедливо, хотя проблема эта имеет гораздо больше аспектов, чем представляется Я. В. Чеснову. Во-первых, понятия сложности или простоты орудия весьма условны. Палка-копалка совсем не равна по сложности сохе или плугу, особенно если учесть, что последние требуют применения тягловой силы, т. е. образуют единый «механизм» взаимодействия человека, орудия и животного. Как ни отличается эпоха доиндустриального общества от современной, но и в ней необходимо различать определенные этапы в развитии техники, орудий труда. Во-вторых, индивидуальный опыт, искусство не так уже специфичны, как это может показаться, ибо они прививаются человеку коллективом (родителями, соседями), и в

³⁸ Я. В. Чеснов, Указ. раб., стр. 67, 68.

³⁹ Там же, стр. 67.

⁴⁰ Там же, стр. 68, 69.

⁴¹ Там же, стр. 69.

⁴² Как известно, особое внимание к семиотике развилось из потребностей ряда технических наук в общей теории информации. В исторических науках знаковое значение некоторых (но не всех!) явлений культуры известно давно. Об этом писал еще Э. Тейлор (см. Э. Тейлор, Первобытная культура, М., 1939, стр. 129).

⁴³ Я. В. Чеснов, Указ. раб., стр. 71. Это положение почти буквально со ссылкой на работу Я. В. Чеснова приведено в книге Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография», М., 1973, стр. 66.

этом опыте уровень индивидуального, личного также нуждается в более точном определении.

Общие положения классиков марксизма-ленинизма о характере труда в докапиталистических формациях вовсе не связаны непосредственно с этническими общностями, как это следует из статьи Я. В. Чеснова. Например, К. Маркс писал о различиях между характером труда в докапиталистических формациях и капиталистической, вскрывая, как капитализм делает рабочего придатком машины⁴⁴. Я. В. Чеснов же, приведя цитату, где говорится о внутриобщинной кооперации в пределах одного селения, констатирует: «В этих словах К. Маркса заключена мысль о детерминировании процесса труда в докапиталистические эпохи не только социальными отношениями в производстве, но и вхождением работника в устойчивый коллектив, который является не чем иным, как этнической общностью»⁴⁵. К. Маркс и В. И. Ленин в тех работах, которые цитирует Я. В. Чеснов, не рассматривают племена, народы, нации и тому подобные понятия в этническом смысле. В статье же «Британское владычество в Индии», где К. Маркс более подробно пишет о внутриобщинной кооперации в некоторых селах Индии, приведена и обширная выдержка из одного отчета, которая не оставляет сомнения в том, что К. Маркс имеет в виду отдельную деревенскую общину, а не «этническую общность»⁴⁶.

Все та же «простота» помогает «традиции» охватывать весь этнос, так как этот этнос состоит в основном из крестьянства⁴⁷. Таким образом, получается, что простота (мифическая! — Г. Г.) орудий труда то приводит к большой роли индивидуальных навыков (а это в свою очередь рождает разнообразие орудий труда), то помогает охватывать весь этнос, ибо он состоит из крестьян. И все это утверждается без какой-либо попытки серьезно проанализировать факты, доказать декларируемые положения на конкретных примерах.

Здесь не стоит разбирать столь же сложные рассуждения Я. В. Чеснова о системах земледелия. Напомним, что в нашей первой статье речь шла об орудиях труда, а не о системах земледелия. Важно отметить, что Я. В. Чеснов, приписывая системе земледелия чуть ли не главную роль «в сохранении консервативных, традиционных черт», вместо доказательств приводит самые общие (всего на полстраницы) замечания об устойчивости локальных традиций во всем мире⁴⁸.

Не отрицая ни устойчивости систем земледелия и отдельных агротехнических приемов, ни того, что все они возникли исторически, позволим себе задать тот же вопрос: а как соотносит все это Я. В. Чеснов с этносами? Хотя бы один конкретный пример? Например, трехполье и русские, подсека таежного типа и карелы, «заливной» рис и тайцы. Но таких примеров наука не знает. Поэтому-то так много рассуждений вообще и так мало фактов.

⁴⁴ Многие страницы IV отдела I тома «Капитала» К. Маркс посвятил анализу роли прибавочной стоимости в преобразовании характера особенностей и процессов труда в капиталистическом производстве. Можно легко убедиться, что главное внимание в этом отделе, названном «Производство относительной прибавочной стоимости», К. Маркс уделил не крестьянству — о нем упоминается лишь попутно, для сопоставления, а первичным формам капиталистического производства (кооперация — мануфактура), применению машин и их роли в крупной промышленности. См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. 23, стр. 322—515.

⁴⁵ Я. В. Чеснов, Указ. раб., стр. 66.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. 9, стр. 134—136. Заметим, что ремесло Индии имело разные формы организации, а не только ту, о которой пишет Я. В. Чеснов. Столь же своеобразно Я. В. Чеснов цитирует и В. И. Ленина. Так, в работе «Развитие капитализма в России» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3) на указанной Я. В. Чесновым стр. 354 речь идет только о труде ремесленников, а не крестьян. Красноречиво и название цитируемой главы — «Капиталистическая простая кооперация».

⁴⁷ Я. В. Чеснов, Указ. раб., стр. 67.

⁴⁸ Там же, стр. 69.

Привлекая семиотику, Я. В. Чеснов сам опровергает все свое построение, признав, что соха может быть и одновременно не может быть этнической спецификой земледельческой культуры⁴⁹. Уж либо этническое значение орудий вырастает из «свойств труда», как он пытался доказать в первой части статьи, и тогда эта «этничность» органически присуща земледельческой культуре, либо подобная «этничность» коренится лишь в сфере сознания, понимания самого явления. Но как раз такое понимание и является предметом спора. Дело не только в том, что у разных этнических общностей и групп оказываются орудия пахоты почти идентичной конструкции (те же сохи у русских и литовцев и др.). Важно другое: у русских крестьян было несколько типов пахотных орудий, и «сабан» конструктивно — тот же плуг, который известен в литературе то как «южнорусский», то как «малороссийский», то как «украинский», а на деле его справедливее всего было бы называть «степным плугом». И когда этого требовали местные условия земледелия, то русские пахали плугом, а татары — сохой⁵⁰. Изучение же истории пахотных орудий в связи с этнической историей соответствующего региона вскроет еще более сложные соотношения между этническими группами и типами пахотных орудий. Как видим, попытка Я. В. Чеснова «теоретически» объяснить причинные связи между этносом и типами пахотных орудий не удалась.

В ходе дискуссии выявилось значительное расхождение и среди сторонников этнической специфичности орудий труда. Одни (Л. М. Сабурова и А. С. Бежкович) считают, что связь этноса с типами земледельческих орудий — исторически сложившееся явление. В. М. Суринов пытается объяснить эту связь с помощью «комплекса признаков», опуская вопрос о причинах. Я. В. Чеснов создает целую теорию, хотя основные ее положения не выдерживают проверки фактами и в конечном итоге оказывается, что это построение весьма условно (теория меток). Такие разногласия среди наших оппонентов не случайность. Они свидетельствуют о том, что многие представления об этнической специфичности тех или иных элементов народной культуры нуждаются в серьезном анализе. Современной наукой накоплено достаточно фактов, чтобы проверить, насколько те или иные особенности культуры, еще сто лет назад казавшиеся этнографам свойственными культуре народа, этноса, обладают такой специфичностью, всегда ли традиция в культуре, в том числе и устойчивая, связана с этносом.

Теоретическая разработка этнических процессов ставит перед исследователем немало неизученных, слабо изученных и спорных проблем. Об этом свидетельствуют длительные дискуссии в наших исторических и даже естественно-научных журналах⁵¹. До сих пор нет единства мнений в определениях этнической общности и отдельных ее типов. Еще более возрастает сложность задач перед учеными, исследующими взаимоотношения этнических общностей и культуры. Ведь и само понятие «культура» трактуется авторами различно: то в него включается вся жизнь человеческого общества⁵², то только духовная культура, то всего лишь сумма положительных знаний (без религии). Причем авторы порой не дают себе труда выявить объем понятия, которым оперируют. Дело осложняется еще тем, что исторически проследить эти процессы удастся далеко не всегда: наши источники не щедры ни на сведения по этнической истории, ни на материалы по народной культуре. Приходится буквально по крупицам восстанавливать реальный ход процессов. И работа эта еще очень далека от завершения. Здесь особенно

⁴⁹ Там же, стр. 71.

⁵⁰ «Народы Европейской части СССР», т. II, стр. 645.

⁵¹ Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография. В книге дан критический разбор разных точек зрения и приведена почти исчерпывающая библиография проблемы.

⁵² Там же, стр. 47—51.

нужна осторожность в обобщениях и определениях, опора на проверенные факты, а не на сомнительные теории, хотя и привычные.

Среди дискуссионных статей хотелось бы особенно отметить статью Я. Крамаржика именно за те ее качества, которые приглашают к размышлению, к уточнению понятий нашей науки, изучаемых ею явлений. И хотя Я. Крамаржик не принял категоричности нашего определения роли этнических традиций в земледелии⁵³, он не отрицал и справедливости ряда наших положений. Многие из приведенных им конкретных примеров и наблюдений (различия между зоной распространения духовой печи и зоной камина, роль традиций в сохранении положительных знаний и др.) заслуживают внимания историков культуры, тем более что аналогичные наблюдения можно сделать и по археологическим материалам. Но я бы не решился, как не решается и сам Я. Крамаржик, приписать распространение, например, камина какой-либо волне переселенцев определенной этнической принадлежности⁵⁴. Что подобные явления не случайны — это ясно. Но чем, какими причинами они вызваны, как могут быть объяснены — нерешенная пока еще задача историков культуры. Согласен и с тем, что полное отрицание всех и всяких этнически специфичных свойств в культуре было бы так же неудачно, как и их произвольное утверждение. Я. Крамаржик очень осторожно, на конкретных примерах стремится это показать. Но и в нашей статье, когда речь идет о культуре в целом, проявлена необходимая осторожность. Я убежден, что целый ряд особенностей в культуре имеет непосредственную связь с определенными этническими группами. Надо лишь отграничить эти особенности от тех, которые не наделены такой специфичностью. И еще, необходимо каждый раз и убедительно доказывать, что и почему служит этнической особенностью. Уверен, что если этнографам пока не ясны «технические причины» тех или иных особенностей орудий пахоты или способов упряжи, то это еще не дает основания объяснить их этнической спецификой.

Видимо, и сами этнические общности Я. Крамаржик понимает по-своему. А ведь от понимания содержания понятия «этническая общность», места расселения этой общности, уровня ее исторического развития зависит многое в подобных исследованиях. Если считать, что была некая общеславянская культура, отличная от кельтской или германской, то это определит одни исходные позиции в изучении культуры и крестьян XIX в., если же считать, что такой единой культуры не было, а были местные, локальные этнографические группы (кажется, Я. Крамаржик склоняется к этому?)⁵⁵, то выводы будут другие.

Не могу не согласиться с заключением Я. Крамаржика: предстоит еще очень много работы, прежде чем мы придем к научно достоверным выводам по многим спорным проблемам⁵⁶.

Следует уточнить и наше отношение к роли тех формально-типологических схем и классификаций, которые, по справедливому замечанию наших оппонентов, играют роль рабочего инструмента в обобщении фактов⁵⁷. В нашей статье мы вовсе не отрицали такой роли, а имели в виду те «теории», которые создаются на основе подобных формально-типологических схем. Я. Крамаржик признает, что подобные теории сыграли небольшую роль в исследовании подлинной истории земледелия⁵⁸. Это и неудивительно. Схема-абстракция необходима в любой науке, особенно же в тех науках, где ограничена роль опыта, эксперимента. Но эта схема должна отражать действительные закономерности

⁵³ Я. Крамаржик, Указ. раб., стр. 73.

⁵⁴ Там же, стр. 77, 78.

⁵⁵ Там же, стр. 78, 79.

⁵⁶ Там же, стр. 82.

⁵⁷ Там же, стр. 73.

⁵⁸ Там же, стр. 73.

развития явления — тогда она помогает научному познанию; если же схема строится по несущественным, внешним, формальным признакам, она приводит к неверным выводам и заключениям. Против последних построений мы и выступали. Хотя классификации Г. В. Фирстова и Д. К. Зеленина в свете современных данных нуждаются в уточнениях, они и до сих пор сохраняют свою познавательную ценность, так как отражают реальную зависимость типов почвообрабатывающих орудий от условий их применения.

Когда перед исследователем встают проблемы соотношения этноса, этнических общностей и их культуры, необходимо учитывать некоторые общие моменты теоретического порядка. Прежде всего следует отдавать себе отчет в том, что за явление культуры перед нами, по каким законам оно развивается, какое место занимает в жизни человеческого общества, т. е. какова внутренняя логика его развития. Мы уже писали о том, что вряд ли правильно одинаково оценивать и одинаково подходить к разным в этом смысле явлениям культуры⁵⁹. Законы развития производительных сил отличаются от тех, что управляют развитием языка как средства общения людей, законы развития украшений — от развития жилых и хозяйственных построек и т. д. Каждое из этих явлений культуры, хотя все они так или иначе создаются человеческим обществом, развиваются по-своему, обслуживают разные сферы жизни людей. И специфику динамики каждого такого явления необходимо учитывать, когда речь идет о соотношении этноса и культуры.

Исходя из этого, надо рассматривать и те специальные отношения, связи, которые устанавливаются между этнической общностью и данным явлением культуры. Прежде всего следует установить, есть ли такая связь вообще. Здесь важно не просто формальное совпадение, хотя бы по территориальному принципу⁶⁰, а связь по существу, исходящая из внутренней логики развития обоих объектов исследования — этноса, этнической общности, народа (в этническом смысле этого слова) и данного явления культуры. Совпадение может быть и случайным, и временным. То, что русские крестьяне Севера до начала XX в. пользовались подсеčno-огневой системой земледелия, а среднерусские — нет, еще не дает права считать их разными этническими группами, и наоборот, то, что многие народы Севера Европейской России знали эту систему, не дает права причислять их к одной этнической общности. В этнографии давно известно понятие хозяйственно-культурного типа, объясняющее закономерность подобных совпадений совсем иными, не имеющими отношения к этносу, причинами⁶¹.

Для нас важны отношения органические, которые по внутренней логике обоих сопоставимых объектов изучения — этноса и явления культуры — делают связь между ними объяснимой, понятной. Так, например, обстоит дело с языком. Поскольку внутри общности людей устанавливаются постоянные и необходимые связи, приводящие и к необходимости постоянного общения в той или иной форме (непосредственного или опосредованного литературным языком в науке, производстве, обучении, торговле и т. д.), то естественно возникает и единство языка данной общности, будь то язык племени или нации.

Та же внутренняя связь явлений обнаруживается, например, при рассмотрении знаменитых комплексов височных украшений восточнославянских племен IX—XIII вв.⁶² Для тех, кто носил эти украшения,

⁵⁹ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 81, а также примеч. 33 к стр. 92.

⁶⁰ Как считает, например, Л. М. Сабурова (Указ. раб., стр. 78).

⁶¹ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, СЭ, 1965, № 4.

⁶² Л. А. Авдусин, Археология СССР, М., 1967, стр. 83—91; «История СССР с древнейших времен до наших дней», М., 1966, стр. 342, 343.

они были символами их племенной принадлежности, их особого места в племенных союзах, которые они возглавляли. Функциональное назначение украшений как социального отличия (в данном случае этнического) нисколько не противоречит тому, что область распространения таких признаков отождествляется нами и с областью расселения определенной этнической группы. Здесь связь явления культуры и этноса вытекает из органической обусловленности этого явления, объясняется внутренними закономерностями.

И этнические общности, и любое явление культуры — не статические величины. Каждая из них развивается и изменяется вместе с развитием человеческого общества. Роль украшений в коллективе первобытных охотников в целом не та, что в племенном союзе вятичей, и наше отношение к украшениям отлично от того, каким оно было в прошлые эпохи. Традиционность локальных типов крестьянского костюма в Европе почти полностью исчезла не только под натиском моды и индустриального производства тканей и готовой одежды, но и в связи с изменением отношения к назначению таких костюмов и их деталей в жизни.

В. И. Ленин неоднократно отмечал, что развитие товарных отношений, обмена приводит к уничтожению средневековой обособленности отдельных локальных и социальных групп населения, он подчеркивал прогрессивность «капитализма, который разрушает в самом основании старинные формы хозяйства и жизни с их вековой неподвижностью и рутинной, разрушает оседлость застывших в своих средневековых перегородках крестьян и создает новые общественные классы, по необходимости стремящиеся к связи, к объединению, к активному участию во всей экономической (и не одной экономической) жизни государства и всего мира»⁶³. Разрушение такой обособленности местных и сословных групп неизбежно приводит и к исчезновению характерных для них особенностей одежды, украшений и т. п.

Исторически меняются и сами этнические общности. Племенная общность перерастает в племенные союзы. Обособленность населения отдельных феодальных земель уступает место национальному единству. За этой сменой типов этнических общностей скрываются не только количественные изменения. Несомненно, меняются и сами этнические отношения, характер и степень этнических связей. Все это не может не оказывать влияния на соотношение этноса и его культуры.

В классовом обществе такое соотношение осложняется различием между культурой народных масс и культурой господствующих слоев населения. В связи с этим никак нельзя согласиться с тенденцией, которая достаточно ясно прослеживается в статье Я. В. Чеснова: крестьянская культура и есть культура этноса, всего этноса, раз крестьянство составляет большинство населения⁶⁴. Уровень культуры народа, степень ее развития определяется далеко не одним демографическим соотношением, и в любой капиталистической стране роль городской промышленности и городской культуры, их удельный вес в общенациональной культуре куда больше, чем значение крестьянской культуры, хотя крестьянство в отдельных случаях может и составлять большинство населения. Но и культура «докапиталистической эпохи»⁶⁵ (Я. В. Чеснов предпочитает такой расширительный термин) достаточно сложна, так как кроме культуры эпохи первобытности в нее необходимо включить культуру феодального общества. И как ни называть этнические общности феодального периода — «народностями» или «протонародностями», — культура их не определяется культурой только крестьянских масс с сохами, курными избами, армяками и лаптями и т. п. Культура русского народа, например эпохи феодализма, была несравненно богаче, и не случайно

⁶³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 382.

⁶⁴ Я. В. Чеснов, Указ. раб., стр. 67.

⁶⁵ Там же.

она тщательно изучалась не одним поколением специалистов различных наук⁶⁶. С полным основанием то же можно сказать о культуре каждого народа: культура любого этноса и в докапиталистические эпохи не исчерпывается тем уровнем, которым вынужден был довольствоваться беднейший класс феодального общества — крестьянство.

Как известно, орудия труда входят неразрывной составной частью в «материальные производительные силы общества»⁶⁷. Оценивая роль и значение орудий труда, их место в культуре человеческого общества, мы исходили и исходим из хорошо известного марксистского положения о том, что «объективные условия производства материальной жизни»⁶⁸ (курсив мой.— Г. Г.). «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни»⁶⁹. Если исходить из этого ясного и определенного положения марксизма — производительные силы и производственные отношения лежат в основе всех форм общественного, социального развития, — то нужно сделать вывод, что они неизбежно лежат и в основе такой специфической, но все же социальной формы человеческих отношений, какой являются отношения этнические⁷⁰. Конечно, реальные отношения этих сфер жизни человеческого общества представляют собой весьма сложную систему, в которой и надлежит разобраться науке. Однако нельзя же при определении основных факторов путать причины и следствия. Если мы, говоря об орудиях обработки почвы, пытаемся выявить совершенно реальные и объяснимые причины тех или иных их особенностей — климат, почву, условия взаимодействия орудия с этими факторами, влияние более сложных, можно сказать, «косвенных» причин — свойств растений, социально-экономические факторы и т. п., то нам возражают, что мы не учитываем «национальной основы сельскохозяйственных орудий»⁷¹.

Несколько более туманно, но по сути дела в том же духе эта мысль выражена с помощью тезиса об «этнических традициях»: «Традиция эта приобретает известную устойчивость и сохраняется некоторое время (какое? — Г. Г.) тогда, когда условия жизни народа изменяются. Это не значит, конечно, что этническая традиция вообще остается неизменной. Однако темпы ее изменений обычно отстают от темпов социально-экономического развития тех народов, которые ее в свое время выработали»⁷².

Не стоило бы возражать авторам такого определения традиций, в том числе и этнической, если бы речь шла об обрядах, орнаментах или аналогичных явлениях духовной жизни. Но ведь речь идет об орудиях труда и их особенностях. Конечно, такие особенности, как украшение палки-копалки перьями или сопровождение работы боем барабанов, можно объяснить с помощью подобного толкования традиций⁷³. Но когда речь идет о чисто конструктивных деталях плуга, от которых, как мы пытались показать, зависит работа этого орудия и в определенной степени урожай, то сколько-нибудь длительное «отставание» в создании наибо-

⁶⁶ Только культуре древней Руси посвящено два тома большого исследования «Культура Древней Руси» (т. I, II, М., 1951). Последующий период рассматривается в сводных научно-популярных работах «Очерки русской культуры XIII—XV вв.» (М., 1969). Специальная же литература насчитывает тысячи книг, статей, заметок.

⁶⁷ К. Маркс, К критике политической экономии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. 13, стр. 6.

⁶⁸ В. И. Ленин, Карл Маркс, Краткий биографический очерк с изложением марксизма, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 58.

⁶⁹ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 7.

⁷⁰ Из ученых, принявших участие в широкой дискуссии об этнических общностях, только Л. Н. Гумилев выдвинул откровенный тезис о биологической природе этноса. См. Л. Н. Гумилев, О термине «этнос», «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3, Л., 1957, стр. 15.

⁷¹ Л. М. Сабурова, Указ. раб., стр. 78.

⁷² Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Указ. раб., стр. 59, 60.

⁷³ Там же, стр. 63.

лее целесообразных в данных условиях форм самого орудия и в совершенствовании методов работы с ним грозит голодной смертью. В этих условиях привычка, традиция, т. е. прежний опыт, держатся лишь до тех пор, пока владелец не убедится в непригодности орудия к новым условиям.

Не следует упрощать процессы сохранения или изменения орудий труда прежде всего потому, что орудия эти далеко не единственное условие успешной производственной деятельности человека. Рассматривая земледельческие орудия, а еще уже — орудия обработки почвы, следует обязательно иметь в виду, что перед нами лишь один из многих элементов, составляющих целый комплекс процесса земледелия. В таком комплексе, во-первых, есть определенные стадии общего технологического процесса: подготовка почвы, уход за растениями, уборка, переработка урожая. И на каждой используются свои орудия труда, свои приемы работы. Во-вторых, на каждой такой стадии (и в общем процессе труда) орудия строго скоррелированы с приемами работы, т. е. с технологическими способами и задачами технологии в целом. В-третьих, земледелие, если оно сколько-нибудь развито, практически превращается в длительный, многолетний цикл производства, так как кроме получения урожая в этом году земледелец создает тем или иным способом, в зависимости от местных природных условий и других факторов (в том числе и социально-экономических), условия для получения урожая и в будущем. Если главная цель земледелия — урожай, и в этом смысле правильнее говорить о «возделывании растений», а не земли, то забота по воспроизводству земли, поля как средства получения будущих урожаев для систематического земледельческого хозяйства становится необходимой частью работы. А это отражается на орудиях труда. Наконец, само земледелие — всего лишь одна из отраслей хозяйства. Даже в современном, глубоко специализированном хозяйстве земледелие в той или иной степени сочетается с животноводством или другими занятиями, не говоря уже о том, что почти всегда перед нами хозяйство, выращивающее различные культуры, т. е. сочетающее в себе разные «частные технологии», ибо растения требуют применения «индивидуальной» агротехники для каждого из них.

В натуральных и полунатуральных крестьянских хозяйствах⁷⁴ земледелие связано в пределах единой хозяйственной системы (хотя бы и локальной) со многими отраслями: животноводством, охотой, рыболовством, домашним ремеслом и др. Перед нами сложный комплекс отраслей хозяйства, обеспечивающий жизненные потребности крестьянской семьи или другого локального коллектива всем необходимым. Только по недоразумению можно представить себе внутривозрастные связи в таких коллективах как «простые». То, что они проще связей в современном индустриальном обществе, не делает их наглядными, «лежащими на поверхности», видимыми с первого взгляда. Если же прибавить к этому, что крестьянские хозяйства издавна были связаны с деятельностью хотя бы узколокальных центров металлургии и кузнечного промысла⁷⁵ и так или иначе экономически взаимодействовали с городскими посадками, а позднее и с городской промышленностью, то это еще более усложняет процессы, которые происходили в пределах отдельного хозяйства или в пределах всей деревенской общины.

Поэтому, когда мы говорим об изменениях в традиционной технике крестьянского хозяйства, следует считаться с тем, что это сложный экономический организм, части которого как раз в силу традиционности в

⁷⁴ Я. В. Чеснов предпочитает употреблять собственный термин «мелконатуральное хозяйство». Чем оно отличается от просто «натурального» хозяйства или «крупнонатурального» — неясно.

⁷⁵ Археологические материалы о роли таких центров см. Б. А. Рыбаков, Ремесло Древней Руси, М., 1948.

течение многих поколений оказались прекрасно пригнанными друг к другу. Изменение в одной части вызывало цепную реакцию во всей системе. Несомненная устойчивость, «традиционность» многих приемов и методов хозяйства, орудий труда (хотя это не следует и преувеличивать) объясняется вовсе не приверженностью к некой модели этнической культуры, а тем, что какое-либо нарушение в одной части хозяйства неизбежно затрагивало и все остальное. Соппротивление русских крестьян введению картофеля стало хрестоматийным примером косности всей системы крепостнических порядков. Но происходило это не столько в силу «темноты», сколько потому, что сроки вегетации картофеля и весь цикл необходимых для его выращивания работ накладывались на привычную, хорошо «отработанную» систему традиционного зернового земледелия, нарушая баланс трудовых затрат, вызывая дополнительное напряжение в страду, и так перегруженную работами по уборке и обработке зерновых. То же нужно сказать и о культуре льна, так как льноводство стало широко распространяться в крестьянском хозяйстве ряда областей только со времени развития товарных отношений, когда крестьяне получили возможность покупать хлеб на рынке за деньги, вырученные от продажи льна. Любопытно, что известное дворцовое село Брейтово, производившее в XVII в. лен и льняные ткани для государева двора, получало тогда хлебное довольствие.

Прежде чем отнестись к тем или иным элементам хозяйственной жизни крестьянства, в частности орудия труда, на счет этнической традиции, т. е. в конечном счете этнической психологии, этнического сознания, следовало бы каждый раз внимательно проверить, а нет ли более реальных и понятных причин устойчивости этих характерных черт во всей экономической системе (и не только экономической) изучаемой группы населения. Уверен, что многие из тех конкретных примеров, которые приводились нашими оппонентами, после такого подхода дадут отнюдь «не этнические» причины происхождения и стабильности как особенностей орудий труда, так и приемов земледелия. Но подобный анализ — дело специалистов, изучающих культуру данного народа, данной этнической группы, так как только они, владея материалом, могут проследить сложную систему взаимосвязей. Таким образом, когда оказывается, что у одной этнической группы одни приемы агротехники и орудия труда, а у другой — другие, хотя живут они в сходных экологических условиях, необходимо учитывать весь комплекс их хозяйственной жизни, а не только земледелие.

Выше уже было сказано, что наши оппоненты признают как роль «производственных факторов», так и роль этнических факторов в формировании особенностей земледельческих орудий. Подобная позиция в принципе не нова. Известный немецкий исследователь Р. Браунгарт в 1912 г. писал: «Земледелие и сельскохозяйственное производство любой страны в значительной степени носит отпечаток присущего этой стране климата, почвы, условий произрастания растений. Почвообрабатывающие орудия, напротив, меньше зависят от этих факторов, чем от проявлений деятельности народного духа»⁷⁶. Конечно, теперь трудно найти сторонников столь откровенно идеалистической позиции. Я. Крамаржик считает, что подобным построениям и места не должно быть в науке⁷⁷. Но для того чтобы действительно сдать в архив подобные идеи, нужно либо ясно и четко объяснить место и роль этнических традиций в сфере производства, вскрыв не только факты простого совпадения, но и внутреннюю, причинную связь этих явлений, либо отказаться от утверждения, что этнические традиции играют сколько-нибудь определяющую роль в развитии орудий труда и тому подобных явлений культуры.

⁷⁶ R. Braungart, *Die Urheimat der Landwirtschaft*, Heidelberg, 1912, S. 181.

⁷⁷ Я. Крамаржик, Указ. раб., стр. 73, 74.

Политическое значение национальных отношений в наше время сильно возросло. Проблемы истории развития культуры в этническом плане оказываются весьма актуальными. Здесь особенно важно выявить действительные причины, определяющие факторы развития. Задача эта не только сложна, но и очень ответственна. Конечно, в десяти статьях прошедшей дискуссии невозможно было решить все спорные вопросы даже одной сравнительно узкой темы. Можно надеяться, что этот обмен мнениями поможет дальнейшей работе в поисках истины.

AGRICULTURAL TECHNOLOGY AND ETHNIC TRADITIONS

One of the authors of the opening paper in the discussion on agroethnography here replies to his opponents. He notes that the discussion has to a considerable extent passed beyond the boundaries of the original subject. Most opponents recognize in one way or another the decisive role of natural, technological and social-economic factors in the development of ploughing implements; it was this that the authors of the initial paper in the discussion had sought to show.

However, most participants in the discussion disagree with the negative attitude taken by G. G. Gromov and Yu. F. Novikov towards the role of ethnic factors in the development of agricultural implements. In the present paper the author examines the objections that have been raised and strives to show that the proclaimed links between certain ethnic communities and concrete types of ploughing implements are not substantiated by the available factual material. The author stresses, supporting his views by theses maintained by K. Marx and V. I. Lenin, that labour tools (including ploughing implements) are elements of society's productive forces; these, together with the relations of production, determine all forms of social relations including ethnic ones. The author holds the view that historians of agriculture have much work before them in studying the complex interconnections between the various elements of the economic system as a whole. Regarding the role of ethnic aspects in other fields of culture the author stresses the importance of discovering in every case the internal causal links between the cultural phenomenon and the given ethnic unit.
